

Тоска и ее контекстуальные «партнеры» в русских заговорах. 2.

© 2025 г. Т.А. Агапкина

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

agapi-t@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные «партнеры» *тоски*, в сопровождении которых *тоска* чаще всего появляется в русских заговорах. «Партнеры» *тоски* подбираются в заговорах не только к имени существительному *тоска*, но также к соответствующим глаголам, причастиям и прилагательным, причем такой ряд может достигать пяти-шести разных слов. В смысловом отношении «партнеры» *тоски* составляют несколько семантических ветвей, выявляемых на основе контекстуального анализа и диалектных значений. Первая ветвь представлена значением ‘иссушающее любовное чувство’ и лексемами *сухота*, *чахота*, *вянота*, а также соотносимыми с ними глаголами (*сушить*, *присушивать*, *чахнуть*, *вянуть* и др.). Вторая ветвь объединена значением ‘горе, печаль’, и в нее входит несколько лексем: прежде всего *кручина* (*кручиниться*) и *горе* (*горевать*), а также *печаль* (*печалиться*), *грусть* (*грустить*), *тужить*. Третья семантическая ветвь «партнеров» *тоски* имеет значение ‘забота, беспокойство, тревога’: его реализует собственно *забота*, а также *дума*. И, наконец, последнюю ветвь составляют слова, объединенные значениями ‘жалеть’, ‘любить’, – *любовь*, *жалость* и соответствующие глаголы.

Ключевые слова: заговоры, диалектная лексика, сюжет, мотив, фольклорная традиция, этнолингвистика.

Ссылка для цитирования: Агапкина Т.А. Тоска и ее контекстуальные «партнеры» в русских заговорах. 2. // Славяноведение. 2025. № 1. С. 72–85. DOI: 10.31857/S0869544X25010063, EDN: JACKMT

Toska ‘Sorrow’ and Its Contextual «Partners» in Russian Charms. 2.

© 2025. Tatiana A. Agapkina

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

agapi-t@yandex.ru

Abstract. The article examines the conceptual «partners» of the word *toska* ‘sorrow’, accompanied by which this word most often appears in Russian charms. *Toska*’s «partners» are selected in charms not only to the noun *toska*, but also to the corresponding verbs, participles and adjectives. Such a synonymous series can reach to five-six

different words. In terms of meaning, *toska*'s «partners» comprise several semantic branches, identified on the basis of contextual analysis and dialect meanings. The first branch is represented by the meaning of 'withering love feeling' and the lexemes *sukhota*, *chakhota*, *vianota*, as well as verbs related to them (*sushit'*, *prisushivat'*, *chakhnut'*, *vianut'*, etc.). The second branch is united by the meaning of 'grief, sadness'. It includes several lexemes: first of all, *kruchina* (*kruchinit'sia*) and *gore* (*gorevat'*), as well as *pechal'* (*pechalit'sia*), *grust'* (*grustit'*), *tuzhit'*. The third semantic branch of *toska*'s «partners» has the meaning of 'care, anxiety'. It is realized by the words *zabota* and *duma*. And finally, the last branch consists of the words united by the meanings of 'regret', 'love' – *liubov'*, *zhalost'* and the corresponding verbs.

Keywords: charms, dialect lexis, plot, motive, folklore tradition, ethnolinguistics.

For citation: Tatiana A. Agapkina. Toska 'Sorrow' and its Contextual «Partners» in Russian Charms. 2. // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 1. P. 72–85. DOI: 10.31857/S0869544X25010063, EDN: JACKMT

В первой статье, посвященной концепту *тоски* в русских заговорах¹, я уже упоминала о том, что *тоска* появляется в них по большей части не сама по себе, а в сопровождении коррелятов, акцентирующих отдельные значения и дополнительные коннотации этого внутреннего состояния. Об этих контекстуальных «партнерах» *тоски* и пойдет речь во второй статье цикла.

Начну с *сухоты* как самого частого «партнера» *тоски*. В общем виде *сухота* олицетворяет **‘изнуряющее любовное чувство’**, насылаемое на имя-река или уже овладевшее им. Производные от **sux-* в любовных заговорах составляют регулярную пару к *тоске*. Основными являются имя существительное *сухотá* (часто в виде устойчивого биннома *тоска-сухота*), а также глаголы *сухотовать*, *сохнуть*, причастие *сухоту(ю)щая* и прилагательные *сухотустая*, *сухотливая*, *сохучая*.

Подобно *тоске*, *сухота* не одинока в фольклорном контексте: наиболее часто она встречается в рамках конструкций *figura etymologica* – в адъективных и глагольно-именных словосочетаниях типа *сухота сухотущая*, *сухотой сухотовать* и т.д.:

...вложите тоску тоскушшую, сухоту сухотушшую в молодлицу... дабы она тосковала, горевала по своим молодым мужем (Амур.)²; В чистом поле есть доска, на доске – тоска, тоска тоску тоскует, сухота сухоту сухотует, так и, раб Божий Николай, по рабе Божьей Дарье тоску тоскует, сухоту сухотует, не смеет ни с кем слова говорить (Архангел.)³.

Встает вопрос, как и за счет чего производные **sux-* вовлекаются в сферу любовных заговоров и становятся контекстуальными спутниками *тоски*. По мнению С.М. Толстой, «поскольку иссушение плоти может быть результатом не только телесных, но и душевных болезней, в денотативное поле *сухого* попадает также любовное томление... и вся сфера любовных переживаний» [Толстая 2008, 56]. Вместе с тем едва ли только значение *сухоты* как иссушающей душевной болезни объясняет привлечение слов на *сух-* к описанию выматывающей любовной горячки. Уместно вспомнить также о любовных магических практиках, которые подразумевали сжигание каких-либо предметов:

Народ верит в «бабок», которые делают «ложбу» (привораживание, от слова любить). ... Вот, говорят, бабки-то-ворожейки и находят следы парня (или девки), который разлюбил; вынимают эти следы и сушат их над огнем помаленечку, знамо, со словом, а без слова ничего не поделаешь;

¹ См. Славяноведение. 2024. № 6.

² Азадовский, 06.

³ Русские заговоры, № 719.

парень-то и затоскует и станет сохнуть, как его след на огне; так то и приворачивают (Калуж.)⁴; Девки присушивали парней к себе... Взять лягушку, высушить ее, чтобы одни косточки были. И эту лягушку надо завернуть в платочек... И если какого парня мне надо присушить, я возьму этим платочком ему за руку захвачусь и скажу слова: *Как высохла эта лягушка, так этот парень пусть высохнет обо мне* (Карел.)⁵.

В заговорах *сухота* обнаруживает разные переключки с огнем и жаром. Как и *тоску*, ее могут насылать существа, имеющие огненную природу:

У огненной реки стоит огненный мужик. Ой же ты, мужик, снеси и клади тоску сухоту в ретивое сердце, в ясные очи (имя), чтоб он не мог не жить, не быть, не живому быть, все бы тосковал, все он бы сухотовал обо мне (имя) (Карел.)⁶.

В диалектах и фольклоре *сухота* понимается не только как носитель свойства ‘отсутствие влаги’, но также и как первопричина этого, а именно — как ‘носитель огня/жара’⁷. Два этих свойства взаимосвязаны, что отражается в том числе в сюжетеке заговоров⁸. *Сухота (тоска-сухота)*, заключающая в себе жар, угрожает всему живому:

Снимите с меня тоску тоскушую, сухоту сухотушую, печаль великую, плач неутолимый, с белого моего тела, с ретивого моего сердца, с рыхлых (или черных) моих кудрей, с белого моего лица, с семидесяти семи жил, с семидесяти семи суставов, со всего стану человеческого и понесите мою тоску тоскушую, сухоту сухотушую, плач неутолимую, печаль великую к рабу (или рабе) Божьему (имя), чрез матушку сыру землю. Не оброните мою тоску-сухоту на матушку сыру землю, от моей тоски-сухоты мать сыра земля посохнет. Понесите мою тоску-сухоту чрез траву-мураву; не оброните мою тоску-сухоту на траву-мураву; от моей тоски-сухоты трава-мурава посохнет. Понесите мою тоску-сухоту чрез цветы лазоревы, не оброните мою тоску-сухоту на цветы лазоревы; от моей тоски-сухоты цветы лазоревы посохнут. Понесите мою тоску-сухоту чрез луга зеленые, не оброните мою тоску-сухоту на луга зеленые, от моей тоски-сухоты луга зеленые посохнут. Понесите мою тоску-сухоту чрез реки быстрыя, не оброните мою тоску-сухоту в реки быстрыя; от моей тоски-сухоты реки быстрыя посохнут. Понесите мою тоску-сухоту на кусты ракитовы, не оброните; от моей тоски-сухоты кусты ракитовы посохнут. Понесите мою тоску-сухоту через горы высокия, не оброните мою тоску-сухоту на горы высокия, от моей тоски-сухоты горы высокия посохнут. Понесите мою тоску-сухоту через леса темные, не оброните мою тоску-сухоту на леса темные; от моей тоски-сухоты леса темные посохнут. Понесите мою тоску-сухоту через болота зыбучия, не оброните мою тоску-сухоту на болота зыбучия; от моей тоски-сухоты болота зыбучия посохнут. Понесите мою тоску-сухоту на путь на дороге, не оброните мою тоску-сухоту на пути на дороге; от моей тоски-сухоты путь-дорога посохнет. Понесите мою тоску-сухоту к рабу (или рабе) Божию (имя)... (Сибир.)⁹.

Перенос *тоски* на имярека (как и на объекты внешнего мира) приводит, между тем, к разным последствиям. Одно из них — это именно *сухота*: охваченный тоской человек начинает *сохнуть* от любви по имяреку; другое следствие — это то, что человек начинает *пылать* от любви, его сердце разгорается и он устремляется навстречу своей страсти. Эти два результата воздействия

⁴ Русские крестьяне 3, 507.

⁵ Русские заговоры Карелии, № 44.

⁶ Ершов, 137.

⁷ Производные **sux-* в русских диалектах активно поддерживают семантику фольклорного *сухота*, *сохнуть* и др.: *сухота* 9. ‘грусть, печаль, тоска (обычно любовная)»; 10. ‘ревность’. Холмог. Арх.; 11. ‘порча, слез’. Том., СРНГ 43, 24–25; *засушить* ‘заставить страдать, «сохнуть» от любви к кому-либо’. Смол., Моск., Яросл., Терек., Кубан. Засушить голову (головку), сердечко (сердечушко). Калуж., Влад., Моск. Тамб., СРНГ 11, 77.

⁸ Значение *сухоты*, заключающей в себе жар/огонь, до некоторой степени сопоставимо с культурной семантикой хронимов *Сухая среда*, *Сухой четверг*, *Сухой день*, относящихся к некоторым датам конца весны — начала лета, когда, с одной стороны, запрещалось работать во избежание засухи (сильной жары без дождей), а с другой — было принято пересушивать на улице одежду и постельное белье, поскольку в эти дни ожидалось тепло (см. о соответствующих полесских хронимах: [Толстая 2005, 242–244]).

⁹ Заговоры из архивных источников 2, 75–76.

любовного заговора, оба связанные с *сухотой* как 'отсутствием влаги' и как 'носителем огня/жара', репрезентированы в текстах. В первом примере: «Не было бы не в голове, не в ретивом сердце и тоски сохучей, и тоски горячей, и тоски глухой, тоски водяной...» (Вологод.)¹⁰ — *сохучая тоска*, т.е. та, которая сушит, сосуществует с *горючей*, т.е. с горячей, жгучей. И во втором примере представлена аналогичная ситуация: «И подойдите, двенадцать братьев, выкиньте ту тоску на восток солнушка и вложите ее в рабу Божию (имя рек), чтобы она, раба Божия (имя рек), по рабе Божию (имя рек) тосковала и горевала, сухотилася и печалилася, соблазнялася и разгоралася любовью и похотию» — имярек одновременно *сухотится* и *разгорается любовью*¹¹.

У *сухоты* (*сохнуть/сухотовать*), в свою очередь, появляются собственные «партнеры» (именные и глагольные), семантически связанные с темой огня (*разгораться, гореть*) или увядания (*вянуть/вянота, чахнуть/чахота*) и составляющие соответствующие коррелятивные ряды. Эти две лексемы передают дополнительное значение болезненного упадка, измождения на почве эмоциональных переживаний:

Садись, белый кречет, рабу Божию (имя рек) на белы груди... клади в его белы груди... всю тоску-кручину, всю сухоту, всю чахоту, всю вяноту великую... Раб Божий (имя рек) по мне рабе Божией (имя рек) чах бы чахотой, сох сухотой, вял вянотой в день по солнцу, в ночь по месяцу (Архангел.)¹²; Как в печке дрова сохнут и ото всех топоров чахнут, — так бы раба Божия (имя рек) обо мне, рабе Божию (имя рек), тосковала и горевала, под собой места не согревала, сохла бы и чахла на всякой день (Вологод.)¹³.

Диалектные материалы подтверждают семантику этих лексем в любовных заговорах: *чахота* включает жар внутри себя, см.: рус. карел. *чахнуть* 'истощаться, постепенно теряя свою массу (при медленном горении, таянии)', *чахота* 'болезненная, хилая женщина'¹⁴; *чахнуть* 'сохнуть, вянуть, блекнуть, хилеть, хиреть, дряхлеть, худеть и слабеть'¹⁵, а *вянота* является результатом действия жара, см. также в переносном значении рус. псков. *сердце вянет/взвянет у кого* 'о чувстве жалости, тоски; о сильном волнении'¹⁶ и др.

У производных **сих-* в процессе их бытования в русских заговорах (и диалектах) развиваются и другие оттенки значений. Семантика фольклорных терминов *присуха, присушка*¹⁷, *присушать/присушить/присушивать* 'создавать привязанность одного человека к другому; заставить одного человека тосковать по другому' выявляет «вещный» аспект такой связи, образуемой посредством огня/жара между двумя людьми, ср. *присыхать/присохнуть* (одно к другому):

Ветр Моисей, ветер Лука, ветры буйные, вихори! Дуйте и винтите по всему свету белому и по всему люду крещеному; *распалите и присушите* медным припоем¹⁸ рабу (имя рек) ко мне, рабу Божию (Архангел.)¹⁹.

¹⁰ Отреченное чтение, 552.

¹¹ Шуров, 160.

¹² Ефименко, 143.

¹³ Виноградов 1, 34, № 45.

¹⁴ СРГК 6, 761.

¹⁵ Даль 4, 602.

¹⁶ Псковский областной словарь 3, 152.

¹⁷ См. рус. диал. *присуха, присушка* 'привораживание, приворот, колдовство', 'в суевежных представлениях средство, которым привораживают человека', 'любовь, вызванная колдовством', 'любимый человек', 'колдунья' (СРНГ 32, 5–6).

¹⁸ Металл или сплав, применяемый для заполнения зазоров при пайке.

¹⁹ Майков, № 1.

В то же время *отсушивать/отсушить* (ср. *отсушка*) фактически означает оторвать одного человека от другого, разлучив их (обычно супругов), нарушить их привязанность друг к другу.

Таким образом, в русских заговорах *сухота* является базовым «партнером» *тоски*, формирует с ней устойчивый бином *тоска-сухота*, а также перенимает у *тоски* некоторые ее эпитеты, см. *сухота смёртная, темная, невыносимая*. Слова *сухота/сохнуть*, в свою очередь, развивают ряд коррелятов за счет более редких *чахоты (чахнуть), вяноты (вянуть)*, а также глаголов *гореть, разгораться, распалить* и др., актуализирующих значения огня/жара. В рамках этой семантической ветви, состоящей из имен существительных *тоска, сухота, присушка, чахота, вянота* и глаголов *гореть, распалить(ся), присушать* и др., передающих значение ‘изнуряющее любовное чувство’, слова оказываются связаны между собой темой огня/жара, а некоторые — также и значением ‘отсутствие влаги’.

Следующая ветвь контекстуальных «партнеров» *тоски* в русских заговорах объединена общим значением ‘горе, печаль’. В нее входит несколько лексем: прежде всего *кручина (кручиниться) и горе (горевать)*, а также *печаль (печалиться), грусть (грустить), тужить* и нек. др.

Кручина также является регулярным «партнером» *тоски* и фигурирует в заговорах в основном не сама по себе, а в паре с *тоской* и другими ее «партнерами». Известны отдельные эпитеты *кручины (тяжелая, недосказанная, кручинская* и нек. др.), но они встречаются довольно редко. В заговорах этот концепт представлен почти исключительно именами существительными *кручина, кручинушка*, редко прилагательными и причастиями *кручинская, кручинный* и почти единично глаголом *кручиниться*. Бином *тоска-кручина* встречается в разных заговорах: присушках, отсушках, заговорах при разлуке и т.д.:

Как в морской пучины сер камень не (вс)тавает, так бы у раба Божия имрека тоска-кручина к ретивому сердцу не приступала и не приваливалась, отшатилась бы и отвалилась (Олонец.)²⁰; соймите у нее тоску-кручинушку, изымите горькия слезы (скотине при разлуке с хозяином, Архангел.)²¹.

Еще одним контекстом для *кручины* становятся длинные перечни негативных психо-эмоциональных состояний и эмотивных действий, которые характерны для некоторых заговоров:

Сними с меня, тоску и заботу, кручину и печаль, чистоту и сухоту, немощ всю (от тоски, Костром.)²²; Михаил архангел... отбивает отстреливает от меня... лихой посмех, лихую зависть... тоску кручину, плач неутулимый (Юж. Урал)²³.

Как в случае *сухоты*, которая формирует ряд слов со значением ‘изнуряющее любовное чувство’, вокруг *кручины* складывается своя семантическая ветвь слов со значением ‘горе, печаль’ — *печаль, горе, грусть*:

...возьмите вы с тех людей, с потюремщиков, тоску, кручину, печаль великую и понесите вы с собой... и принесите вы... к рабце Божией (Вят.)²⁴; Батюшко, первый дымок... неси-отнеси тоску, сухоту, кручину, великое горе с рабы Божьей на раба Божьего (Нижегород.)²⁵; Куда дым поплыл, туда грусть-тоска, кручина с раба Божия (дон. казаки)²⁶; ...где ей ни увидите, туто вложите в нее тоску и кручину и печал(ь) необычную, тужила б та раб(а) Б(о)жия имярек по мне (XVII в.)²⁷.

²⁰ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым 4, 254.

²¹ Магические практики 1, 242.

²² Пыщуганье, № 135.

²³ Замкну замки замками, 81.

²⁴ Комаровских, 146.

²⁵ Ветлужская сторона, 174.

²⁶ Тимофеев, 190.

²⁷ Русские заговоры, 103–104.

Возможно также появление оригинальных пар, состоящих из «представителей» разных семантических ветвей — и *тоски-сухоты*, и *тоски-кручины*:

Поднимись, печаль-сухота, тоска и кручина, из морской пучины (Нижегород.)²⁸; ...так бы у меня, раба Божия (имя), не было бы тоски и кручины, сухоты и печали в белом теле, в ретивом сердце по матери и по отце, и по своей стороне (Вологод.)²⁹.

Напомним, что в этимологическом отношении *кручина* (**krŏčina*) толкуется по связи с глаголами со значением 'крутить, кружить, гнуть', что, по мысли авторов ЭССЯ, вполне приложимо к его значениям в славянских языках, в том числе древнерусском ('желчь; гнев, злоба; печаль, тоска, забота; падучая болезнь' — из первоначального 'спазм?') [Этимологический словарь 13, 21–22, 27]. Иными словами, семантическое развитие слова *кручина* представляет собой путь от физического действия до психоэмоциональной реакции на него, о чем выше уже шла речь.

Наряду с *кручиной* в рассматриваемой семантической ветви коррелятов, объединенных значением 'беда, несчастье, скорбь', важнейшее место занимает и собственно *горе* (*горевать*). Слова на *гор-* в русских заговорах от тоски представлены широким рядом частеречных вариантов, таких как *горе*, *горесть*, *горевать*, *загоревать*, *горюющий*, *горевой*, *горший*, *горько*, *горше*, однако удельный вес их внутри ряда заметно различается. Если в предыдущих случаях основная роль отводилась именам существительным (*тоска*, *сухота*, *кручина*), то более трех четвертей примеров использования слов этого гнезда связано с глагольными формами. По-видимому, такое исключение существительного *горе*, очень заметное на общем фоне, объясняется тем, что *горе* — существительного среднего рода, в то время как другие «партнеры» *тоски* — *сухота*, *кручина*, *жалость*, *грусть* и т.д. — последовательно согласуются с *тоской* по грамматическому роду:

Соберись, тоска, со всего вольного белого света, бросься в рабу ... и затоскуй, и зогорюй об рабе Божиим (имя) (Саратов.)³⁰; Как вода бежит, не тоскует, не горюет ни по крутым бережкам, ни по камешкам, ни по желтым пескам, ни по темным лесам, ни по черным морям, так бы и ты, раб Божий Николай не тосковал, не горевал и привыкал бы к людям, к начальству (заговор солдата, уходящего в армию, Нижегород.)³¹.

Впрочем, в заговорах от тоски также встречается и существительное *горе* — как правило, в перечне других горестей и эмоциональных состояний и обязательно с «соучастием» *тоски* либо в сопровождении редких для этого слова эпитетов:

... Вы 12-ть братьев-ветров, 13-вихорь, летите по белому свету, тоску печаль соберите. Со солдатиков военных, с потюремщиков заключенных, с малых детей, со скорбящих матерей, ложите тоску и печаль (имя) чтобы стонал, белел, как огонь горел... (Карел.)³²; Батюшко, первый дымок, ясный огонёк, неси-отнеси тоску, сухоту, кручину, великое горе с рабы Божьей на раба Божьего (Нижегород.)³³.

Как и в случае с *кручиной*, семантика *горе/горевать* в заговорах поддерживается диалектными значениями этих слов:

архангел. *горевать* 'огорчаться, расстраиваться'³⁴; *горесть* 'грусть, тоска'³⁵; воронеж. *изгориться* 'тяжело переживая горе, несчастье, истомиться в печали, в тоске, изгореваться, исстрадаться'³⁶;

²⁸ Заговоры из архивных источников 2, 166, № 18.

²⁹ Заговоры из архивных источников 1, 44.

³⁰ Булушева, 38.

³¹ Ветлужская сторона, 183.

³² Ершов, 174.

³³ Ветлужская сторона, 174.

³⁴ АОС 9, 339.

³⁵ АОС 9, 344.

³⁶ Сл. воронеж. 3, 442.

волгоград . *сгореваться* ‘загоревать, истомиться, истосковаться; соскучиться, стосковаться’³⁷; нижегород., саратов. *горевой* ‘несчастный, горемычный’; рус. диал. *горевать* ‘бедовать, нуждаться, терпеть’ (там же); *горе* ‘беда, несчастье’³⁸.

В этимологическом отношении *горе* объясняется из прасл. **gorje* ‘беда, несчастье’, ‘боль, скорбь, печаль’, производное от глаг. **gorěti* и комп. **gorjъjь* [Аникин 11, 239, 297–299], т.е. от слов с семантикой горения и неприятного (*горького*) вкуса — к словам, обозначающим негативные эмоциональные состояния. При этом этимологическая память о родстве *гореть* и *горе* просвечивает иногда в заговорах, см.:

Не мог бы он без меня ни жить, ни быть... и была бы у него на сердце... тоска тоскучая, тоска горячая, тоска суховая, тоска горевая, тоска вековая (Архангел.)³⁹.

Подобно *горю*, *туга* также проявляет себя в заговорах от тоски в основном в форме глагола *тужить*:

...зажгите в рабе Божией Акулине сердце, душу, плоть и кровь, *чтобы тужила* раба Божия Акулина о рабе Божиим Кузьме, *тужила бы день и ночь, глуху полночь, тужила бы и горевала бы, плакала бы и тосковала...* (Нижегород.)⁴⁰; загорелось бы у рабицы Божией ретивое сердце... *тужила бы и плакала, тосковала бы и горевала обо мне* (Вят.)⁴¹.

Другие частеречные варианты в заговорах исключительно редки:

Как ис тебе течет струя по реце, так ис твоего сердца у раба Божия имарек истечь туга и печаль (Великоустюж сб. XVII в.; Сими отходить лихие слова)⁴².

Обращает на себя внимание, что среди диалектных значений слов на *туж-* присутствует не только ‘горевание, страдание’, но также и ‘тоска’, что еще глубже встраивает эти слова в русские заговоры от тоски:

вологод. *тужить* ‘скорбеть, жалеть, тосковать, печалиться, горевать’⁴³; вологод. *туга* ‘тоска, печаль’⁴⁴.

К той же семантической ветви относится и *грусть*, относительно редкая эмоция, упоминаемая в заговорах в основном в составе устойчивого биннома *грусть-тоска*:

Пошел бы он на улицу, разогнал бы *грусть тоску кручину* с чужими людьми (Архангел., остуда)⁴⁵; Куда дым поплыл, туда *грусть-тоска, кручина* с раба... (дон. казаки, от тоски)⁴⁶.

Более сложным оказывается функционирование в заговорах слова *печаль*. *Печаль* входит в именные и глагольные ряды (*печаль, печалиться*), сопутствующие базовым словам *тоска (тосковать)*, и равным образом хорошо сочетается как с *сухотой*, так и с *кручиной* и *горем*. В отличие от некоторых других слов семантической ветви со значением ‘горе’, *печаль* часто сопровождается эпитетами — *безмерная, великая, крутошенькая, черная* и нек. др.:

...где еи ни увидите, туто вложите в неи тоску и кручину и печал(ь) необычную... тое бы тоски и великие печали сахарем не заесть и пит(ь)ем не запит(ь) (XVII в.)⁴⁷; Судят они и рассуждают про тоску-тоскующую, сухоту-сухотующую и про плач неутулимый и про печаль безмерную (Челябинск.)⁴⁸; чтобы раб Божий имрек по рабу Божииму имрек тосковал и горевал, сухотился и печалился (молитва)⁴⁹.

³⁷ Сл. Волгоград. 4, 536.

³⁸ СРНГ 7, 31, 30.

³⁹ Русские заговоры и заклинания, № 714.

⁴⁰ Заговоры из архивных источников 2, 167, № 21.

⁴¹ Комаровских, 146.

⁴² Отреченное чтение, 195.

⁴³ Словарь областного вологодского наречия, 513.

⁴⁴ СВГ 11, 71.

⁴⁵ Ефименко, 145.

⁴⁶ Тимофеев, 190.

⁴⁷ Русские заговоры, 103–104.

⁴⁸ Замкну замки замками, 96.

⁴⁹ Летописи 1863/5, 112.

При всем том надо помнить, что в русских диалектах слова на *печ-* группируются вокруг двух основных значений. Первое — это ‘забота, беспокойство, опека’:

печа ‘участие, хлопоты, заботы о ком-, чём-л.’; *печалиться кем-л.* ‘опекать, заботиться о ком-л.’; *печалливый* ‘заботливый, сердобольный’; *печаловать* ‘беспокоиться, заботиться о ком-л., опекать’; *печальник* ‘тот, кто имеет на своем иждивении кого-л.’⁵⁰;

и лишь второе — собственно ‘кручина, грусть’:

печаль ‘печалиться, кручиниться’; *печаловатый* ‘немного печальный’, *печаль* ‘траур по умершему’; *пасть на печаль* ‘впасть в печаль’ (СРНГ 26: 344)⁵¹ и т.д.

Этимологически *печаль* выводится из глаголов со значением ‘варить, печь, жарить, готовить пищу’ и родственно словам *опека*, *печа* и др. ‘забота’, откуда и *печаловаться*, *опекать* ‘заботиться о ком.-л.’ [Фасмер 3, 227, 254]. Таким образом, *печаль* как ‘беда, несчастье, грусть, кручина’ является результатом длительного семантического развития и реализует перенос от физических значений к значению ‘усилия по заботе о ком-л.; беспокойство о ком-л.’ и уже потом к значению, передающему эмоциональный негатив и переживания по этому поводу.

Если внимательно присмотреться к заговорам от тоски, то в них также можно обнаружить не только *печаль* как ‘беда, несчастье, грусть, кручина’ (как в приведенных выше примерах), но также и *печаль* как ‘забота, беспокойство’:

От тоскуй и печался имярек о своей жене, так бы тосковал и печалился о своей жене (Архангел.)⁵²; ...всегда бы она, раба, плакала бы и рыдала, охала бы и стонала, сохла бы и тосковала, кручинилась бы и печалилась обо мне (Владимир.)⁵³;

где *печалиться* в сочетании с существительным в косвенном падеже *о ком-л.* прямо указывает на это значение, см. также:

Теките, реки и протоки, теки и ты, матушка Волга-река, сойми с меня, раба имярек, тоску, и печаль, и попечение о рабе имярек (Нижегород.)⁵⁴,

— в последнем примере *печаль* и *попечение*, видимо, совсем неслучайно оказываются рядом, «выявляя» общность их внутренней формы.

К *печали* как ‘заботе, беспокойству’ примыкает, собственно, и слово *забота*, фиксации которого в заговорах единичны:

Матушка река, быстрая вода: я иду к тебе, раба Божья (имя), сними с меня, с рабы Божьи, вся тоску, и горе, и заботы (Нижегород., от тоски)⁵⁵; тоску, скуку, печаль, заботу, невеселie творю, аки бес притворяю... (от лихорадки; действия, приписываемые 4-й лихорадке — *Переходной*; Рус. Север)⁵⁶.

Значительно более репрезентативна выборка примеров из севернорусских заговоров от тоски со словами *дума* (*думать*), среди значений которых в русских диалектах также имеется ‘забота’ и ‘беспокойство, тревога’:

дума ‘навязчивая, настойчиво беспокоящая мысль; забота, тревога’; ‘состояние раздумья, задумчивости; тоска, печаль’; *думать* ‘мысленно переживать что-н., беспокоиться, тревожиться о ком-н.’; ‘проявлять заботу, заботиться о ком-н.’⁵⁷; вят. *думкий* ‘задумчивый, невеселый, печальный; озабоченный’⁵⁸, ср. также другие слова на *дум-*, обозначающие эмоциональные состояния: вологод. *думливо* ‘страшно’⁵⁹; *думко* ‘сомнительно, страшно’⁶⁰ и др.

⁵⁰ СРНГ 26, 343–344.

⁵¹ Там же.

⁵² *Васкул*, 427.

⁵³ *Майков*, № 28.

⁵⁴ Заговоры из архивных источников 2, 166, № 17.

⁵⁵ Ветлужская сторона, 180.

⁵⁶ *Бурцев*, 46.

⁵⁷ АОС 12, 349, 353.

⁵⁸ СРНГ 8, 256.

⁵⁹ *Мишнев*, 68.

⁶⁰ Словарь областного вологодского наречия, 114.

В заговорах Русского Севера, где слова на *дум*- чаще всего и встречаются, их функционирование довольно специфично: во-первых, они почти никогда не сопрягаются в одном контексте ни с какими «партнерами», кроме *тоски*, образуя с ней парные сочетания; во-вторых, в этих парах *думать* и *дума* предшествуют *тосковать/тоске*, и, в-третьих, традиция явно отдает предпочтение не именной паре, а глагольной *думать* – *тосковать*:

Стала бы (имя) пить – не допивала и есть – не доедала и день не дневала и часу не часовала и все бы (о таком-то) думала да тосковала (Вологод.)⁶¹; Святой херувим, вселитесь в рабу Божию Анну, разожди ей сердце и кровь горячу, чтобы она думала и тосковала по рабу Божьему Ивану (Архангел., присушка)⁶²; Как водица – по песку, сними с меня, раба Божья, думу и тоску (Киров., от тоски)⁶³.

Мне осталось рассмотреть последнюю семантическую ветвь контекстуальных «партнеров» *тоски* в русских заговорах, которую можно обобщенно выразить значениями ‘жалеть’, ‘любить’. При всех различиях этих значений они часто передаются одними и теми же словами; таких лексических групп в русских заговорах всего две – это собственно *любовь* и *жалость*.

Слова *любить* / *любовь* в русских заговорах встречаются довольно редко – как в рукописной, так и в устной традиции; именной и глагольной варианты свободно сочетаются с *тоской* / *тосковать* и их коррелятами:

Как восходит красное солнце, обогрывает бел свет, так бы раб Божей (имя) рабу Божью (имя) любил и лелеял, тосковал и горевал каждой день (Перм.)⁶⁴; 12 сильных ветров... Пустите тоску тоскущую, сухоту сухотущую, плачь неутулимый, любовь неразделимую на раба Божия (Урал.)⁶⁵.

Гораздо более разнообразным выглядит в русской заговорной традиции узус слов на *жал*- в их разнообразных частеречных вариантах. В русских диалектах слова гнезда **žal*- претерпели семантическое развитие от значений ‘страдать от боли’ до ‘сострадать’; а кроме того, особенно в русских диалектах, «продуктивной оказалась семантическая деривация ‘жалеть’ → ‘любить’, в которой акцентируется само положительное чувство, испытываемое субъектом по отношению к объекту» [Толстая 2019, 78–79]:

перм. *жалиньё* ‘жалость’, *жалко* ‘с чувством любви к кому’, *жалливый* ‘отзывчивый’⁶⁶; архангел. *жалеть* ‘грустить, тосковать по кому-н., чему-н.’; *зажалеть* ‘затосковать о ком-н., соскучиться по кому-н.’⁶⁷; *жалеть* ‘любить’, *жаленный* ‘любимый’, вологод., костром. *жалиньё* ‘любовь’⁶⁸ и т.д.

Эти значения и проявились в заговорах от тоски:

Отпущу я девице N. три тоски тоскучая, три сухоты сухотучия, три жялбы жялбучия, в сердце ретивое, в легкий печень и в кровь горячую. Казался бы я, раб Божий N., рабе N. милея отца и матери, роду и племени и красного солнца и светлого месяца (Костром.)⁶⁹; ...напала бы на него тоска, сухота и великая жалость; и показался бы я, раб Божий (имя рек), ему, рабу Божию (имя рек), лучше всего света белого⁷⁰; Приподними ты доску чугунную... вынь из-под нее тоски столько, сколько во синем море желтых песков... напади на рабу Матрену жаленье сухоте (Нижегород.)⁷¹.

⁶¹ Русские крестьяне 5/1, 545.

⁶² Русские заговоры и заклинания, № 612.

⁶³ Там же, № 2232.

⁶⁴ Серебренников, 7.

⁶⁵ Востриков 5, 79.

⁶⁶ Мишнев, 73.

⁶⁷ АОС 16, 374.

⁶⁸ СРНГ 9, 63, 64.

⁶⁹ Заговоры из архивных источников 1, 174.

⁷⁰ Виноградов 1, 51, № 68.

⁷¹ Заговоры из архивных источников 2, 166, № 18.

Помимо имен существительных, в заговорах встречаются также соответствующие глаголы и слова состояния, чаще всего выступающие в паре с *тосковать*:

Жалела бы раба Божия (имя рек) о рабе (имя рек), как сама о себе (поклон). Тосковала бы раба (имя рек) день и ночь... (С.-Петербург.)⁷²; ...как печина в пече гореча и жегуча, так сердце у раба Божия (имя) и ко рабе Божией (имя) болече и жалуче (Вологод.)⁷³; Как плоти жарко, так бы рабе (и.р.) было б меня жалко, как плоть высыхает, так бы раба обо мне стала тосковать (Нижегород.)⁷⁴.

* * *

Рассмотренными в статье лексемами, разумеется, не исчерпывается весь ряд «партнеров» *тоски*, известных в русских заговорах. Помимо них, здесь фиксируются также *скука, смута, досада, невеселие, мука, нитье, ноета, скорбь, беда, немочь* и нек. др., но примеры их использования исключительно редки, если не сказать единичны. К ним примыкают имена существительные, связанные с глаголами активного действия, которые передают внешние, физические проявления эмоций (прежде всего звуковые), такие как *плач, рыдание, рев, стон, вздыхание, проклинание* и др., хотя этих последних в заговорах немного. Эмотивные глаголы и глаголы активного действия могут входить в общие перечислительные ряды, в которых они выступают как контекстуальные «партнеры» тоски.

«Партнеры» тоски подбираются в заговорах не только к имени существительному *тоска*, но также к соответствующим глаголам, причастиям и прилагательным (т.е. к концепту в целом), причем такой ряд может достигать пяти-шести разных слов:

...спроводите из миня, раба Божия имярек, тоську, сухоту и кручину велику, мысль немалую, печаль необычную в рабу имярек, чтобы той тоски тосковала и сухоты сохнула и кручины велики (XVIII в.)⁷⁵; Как я тоскую о рабе (имя), так бы он тосковал бы, горевал, плакал, рыдал, думал бы, гадал днем и ночью о мне рабице Божьей (казаки Урала, тоскливая молитва по зорям)⁷⁶.

Наиболее частотными в этом ряду коррелятами *тоски* являются три группы слов: *сухота (сушить), кручина (кручиниться) и горе (горевать)*. Следующими идут *печаль, дума, жалость (жалеть), любовь, болезнь* и др.; их список обширен, но вполне обозрим. Некоторые из «партнеров» *тоски* входят в состав заговоров в виде имен существительных, имен прилагательных, наречий, другие — в виде соответствующих глаголов.

Вполне объяснимо, что среди устойчивых сочетаний слов в заговорах наиболее распространены парные соединения первых, самых частотных имен существительных: *тоска-сухота* (значительно превышающая количество других пар), а также пары и тройки типа *тоска-сухота-печаль, тоска-кручина, тоска-кручина-печаль, тоска-болезнь* и нек. др.

Особый интерес вызывают случаи соединения в одном фрагменте текста двух-трех разных слов, представленных в разных частеречных вариантах (существительное — глагол, существительное — прилагательное, глагол — прилагательное, глагол — наречие и др.), что говорит в том числе об органичности этой эмотивной лексики для языка заговоров, ее «сквозном» присутствии в жанре:

существительное, прилагательное и глагол: ...прибежал бы ко мне серый зайшко, снял бы с меня *тоску — кручину, — печаль* ... и вложил бы ее рабу Божию (имя рек), об ком я, млада *кручинна*,

⁷² Майков, № 20.

⁷³ Заговоры из архивных источников 1, 65.

⁷⁴ Заговоры из архивных источников 2, 166, № 16.

⁷⁵ Покровский, 261.

⁷⁶ Голубых, 291.

тоскую (Архангел., снять тоску)⁷⁷; существительное и глагол: Чтобы он смертельной *тоской* *сухотвал* (Карел.)⁷⁸; существительное и причастие: Отнесите от меня, рабы божьей, всю *тоску тоскучую, сухоту сухотующую, плач плакующий* (Вят.)⁷⁹, ср. также словосочетания *сухота плакующ(ч)ая, кручина печальная, тоска сухотующая* и др.

«Партнеры» *тоски* неравномерно распределены по пяти описанным выше функциональным типам заговоров. Наиболее часты и разнообразны они в русских любовных заговорах, а также в заговорах от страдания в разлуке. Тем не менее и в других группах *тоска* редко встречается сама по себе, и это касается и лечебных заговоров, и скотоводческих, и, по сути, всех остальных.

В смысловом отношении рассмотренные «партнеры» *тоски* составляют несколько семантических ветвей, выявляемых на основе контекстуального анализа и диалектных значений. Первая ветвь представлена значением ‘изнуряющее любовное чувство’ и лексемами *сухота, чахота, вянота*, а также соотносимыми с ними глаголами (*сушить, присушивать, чахнуть, вянуть* и др.). Вторая, самая репрезентативная ветвь объединена значением ‘горе, печаль’, и в нее входит несколько лексем: прежде всего *кручина* (*кручиниться*) и *горе* (*горевать*), а также *печаль* (*печалиться*), *грусть* (*грустить*), *тужить*. Третья семантическая ветвь «партнеров» *тоски* имеет значение ‘забота, беспокойство, тревога’: ее реализует собственно *забота*, а также *дума*. И, наконец, последнюю ветвь составляют слова, объединенные значением ‘любить’, – *любовь, жалость* и соответствующие глаголы. Большая часть этих слов, как уже отмечалось, появляется в заговорах несамостоятельно – они сопутствуют *тоске* либо поодиночке, либо чаще всего в составе тех или иных перечислительных рядов, троек или парных конструкций.

Будучи словами, передающими ментально-эмотивные значения, в своей эволюции они прошли фактически тот же путь, что и *тоска*, – от изначальной семантики неприятного физического ощущения до тяжелой, часто негативной и выматывающей душу эмоции.

Ну и в заключение выскажу суждение о соотношении контекстной и диалектной семантики в рамках рассматриваемой темы. В подавляющем большинстве случаев слова, служащие коррелятами *тоски* в русских заговорах, демонстрируют контекстную семантику, близкую диалектным значениям соответствующих лексем: это относится ко всем основным лексемам – *сухоте, чахоте, горю, жалости* и др., кроме, пожалуй, только *кручины*.

Сравнивая фольклорную семантику и диалектные значения слов *кручина/кручиниться/кручинный*, приходится признать, что если в заговорах и фольклоре эти слова используются очень активно, то в диалектной речи они довольно редки. Судя по диалектным словарям, слова этого гнезда в большинстве случаев имеют помету *фольклорное* и иллюстрируются фольклорными примерами:

Кручинить. 1. Печалить, огорчать; сердить. Слов. Акад. 1847 [с пометой «стар.».] *Не кручинь, девка, родна батюшки* (песня). Курск., Киреевский. Перм.; 2. Неперех. Печалиться; огорчаться. *Кручинит, печалит Добрыня молодец* (песня). Олон.

Кручиниться. 1. Заботиться. *Когда царь о том кручинился, в храме божием похаживал*. Волог., Киреевский; 2. Сердиться, гневаться. Слов. Акад. 1847 [с пометой «стар.».] *Стали ее уговаривати, Чтобы она на то больше не кручинилася, Не кручинилася и не гневалася* (песня). Арх.

Кручинница. Фольк. Горе, кручина. *А кручинница по двору ходила, Доброго молодца будила*. Смол.

Кручинка. Фольк. Горе, тоска. – *Покажи барашка! – Барашек извелся. – Покажи овчинку! – С горя со кручинки Кинула с овчинкой*. Волог., Олон.

⁷⁷ Ефименко, 144.

⁷⁸ Русские заговоры Карелии, № 61.

⁷⁹ Вятский фольклор, № 214.

Кручинница. Фольк. Та, которая печалится, горюет; печальница, горюша. *Родна матушка моя кручинница* (причитание невесты). Олон.

Кручиновато. Фольк. Немного скучно, скучновато; пригорюнившись. *Что же, родитель моя матушка, С пирю идешь кручиновато?* Онеж.

Кручиноватый. Фольк. 1. Опечаленный, взгустнувший, пригорюнившийся. *Остался князь Владимир кручиноват, Кручиноват, князь, печаловат.* Олон.

Крушинушка. Фольк. Кручинушка. *И приужахнулось ретливое сердечушко, И обмирать да стала зяблая утробушка, И одолять стала великая крушинушка, И омрачать стала злодейная обидушка*⁸⁰.

Кручинушка. Тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога; тоска. *Ох как найдё кручинушка, как скучна, страшна*⁸¹.

Таким образом получается, что базовое для второй семантической ветви слово *кручина* в значении 'горе, печаль' как собственно диалектное слово практически неизвестно, хотя в общерусском фольклорном дискурсе оно занимает весьма значительное место.

Правда, есть отдельные исключения: их составляют довольно редкие западно-русские слова:

твер., пск. *кручэ́ниться* 'горевать, кручиниться'⁸²; *кручэ́нь* твер. 1. 'грусть, тоска, печаль'; твер., пск. 2. 'тот, кто горюет, кручинится; горемыка'⁸³; пск. *кручина* 1. 'неприятное событие, происшествие; неприятность'. 2. 'сильное душевное волнение, беспокойство'⁸⁴; смоленск. *крушиться* 'изнывать, изводиться от горя'. *Полна нам, братцы, крушитца, перестанем горювать*⁸⁵; ср. также дон. *закручиненный* 'печальный, закручинившийся'⁸⁶.

Пример с *кручиной* представляется особенно важным не столько сам по себе, сколько в более общем смысле: он в очередной раз убеждает в том, что путь исследования семантики фольклорного слова лежит прежде всего через семантику контекстуальную: от слова к его фольклорному контексту и уже от него к диалектным словарям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Азадовский М. Заговоры амурских казаков // Живая старина. 1914. Вып. 3/4. Прил. № 1. С. 05–015.
- АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М.: МГУ, 1980–. Вып. 1–.
- Булушева Е. Заговоры в фольклоре Саратовского Поволжья // Саратовский вестник. Вып. 4. Заговоры. Саратов, 1994. С. 1–65.
- Бурцев А.Е. Обзор русского народного быта Северного края. Т. 2. СПб., 1902.
- Васкул А.И. Заговоры Северной Двины (по материалам экспедиций Пушкинского Дома 2009–2010 гг.) // Русский фольклор. СПб., 2016. С. 413–436.
- Ветлужская сторона. Вып. 6. Традиционный фольклор Варнавинского района Нижегородской области / под ред. А.В. Кулагиной. М.; Варнавино, 2005.
- Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (По старинным рукописям и современным записям). СПб., 1908–1910. Вып. 1–3.
- Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь. Вып. 5. Магия и знахарство. Народная мифология. Екатеринбург, 2000.
- Вятский фольклор. Заговорное искусство / предисл. А.А. Ивановой. Котельнич, 1994.
- Голубых М.Д. Казачья деревня / под ред. М. Феноменова. М., 1930.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1955). Т. I–IV.

⁸⁰ СРНГ 16, 336–338.

⁸¹ Псковский областной словарь 16, 263.

⁸² Там же, 262.

⁸³ Там же; СРНГ 15, 335.

⁸⁴ Псковский областной словарь 16, 262–263.

⁸⁵ Смоленский областной словарь, 363.

⁸⁶ СРНГ 10, 169.

- Ершов В.П., Логинов К.К.* Потаенный фольклор Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 2022.
- Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. М., 1878. Ч. 2. (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 30. Труды этнографического отдела. Кн. 5, вып. 2.)
- Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в. Т. 1 / изд. подгот. Т.А. Агапкина. М., 2023.
- Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в. Т. 2 / изд. подгот. А.Б. Ипполитова, А.Л. Топорков. М., 2024.
- Замкну замки замками: Заговорно-заклинательная поэзия Шадринского края / Сост. В.Н. Бекетова, М.А. Колмогорцев. Шадринск, 2001.
- Комаровских А.* Знахарство в Орловском уезде // Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1898 год. Вятка, 1898. С. 136–147.
- Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 5.
- Магические практики севернорусских деревень: Заговоры, обереги, лечебные ритуалы. Записки конца XX – начала XXI века. Т. 1–2. СПб, 2020.
- Майков Л.Н.* Великорусские заклинания // Зап. РГО по Отд-нию этнографии. СПб., 1869. Т. 2. С. 417–580. Дополнения: с. 747–748.
- Мишнев С.М.* Тарногский говор. Вологда, 2013.
- Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М., 2002.
- Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. СПб., 1861–1867. Ч. 1–4.
- Покровский Н.Н.* Тетрадь заговоров 1734 года // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 239–266.
- Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–. Вып. 1–.
- Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В.П. Аникина. М., 1998.
- Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и коммент. А.Л. Топоркова. М., 2010.
- Русские заговоры Карелии / сост. Т.С. Курец. Петрозаводск, 2000.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3. Калужская губерния. СПб., 2006; Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007.
- СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2007.
- Серебренников В.Н.* Народные заговоры, зап. в Оханском у. Пермской губ. // Кружок по изучению северного края при Пермском ун-те. Пермь, 1918. С. 1–28.
- Сл. Волгоград. – Словарь донских говоров Волгоградской области. Волгоград, 2006–. Вып. 1–.
- Сл. воронеж. – Словарь воронежских говоров / науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Воронеж, 2004–. Вып. 1–.
- Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб., 2006.
- Смоленский областной словарь / сост. В.Н. Добровольский. Смоленск, 1914.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22); Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42); С.А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- Тимофеев – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.) / под общей ред. П.Т. Тимофеева. Донецк, 2013.
- Щуров И.* Знахарство на Руси // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1867. Кн. 4. Отд. V. С. 143–174.
- Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
- Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 600 с.

- Толстая С.М. Сухой // Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 53–67.
- Толстая С.М. Желать и жалеть: этимология и семантика // Толстая С.М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. С. 71–81.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Рукопись поступила в редакцию 10.02.2024

Рукопись принята к печати 12.03.2024

REFERENCES

- Anikin A.Je. *Russkii etimologicheskii slovar'*, Moscow, Rukopisnyje pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2007–, вып. 1–. (In Russ.)
- Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksicheskii fond*, eds. O.N. Trubacheva, A.F. Zhuravleva, Moscow, Nauka Publ., 1974–, вып. 1–. (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva, Moscow, Progress Publ., 1964–1973. (In Russ.)
- Tolstaia S.M. *Polesskii narodnyi kalendar'*, Moscow, Indrik Publ., 2005. 600 p. (In Russ.)
- Tolstaia S.M. *Sukhoi*. Tolstaia S.M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshchславянской перспективе*, Moscow, Indrik Publ., 2008, pp. 53–67. (In Russ.)
- Tolstaia S.M. *Zhelat' i zhalet'*: etimologija i semantika. Tolstaia S.M. *Mir cheloveka v zerkale iazyka*. Oчерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике, Moscow, Indrik Publ., 2019, pp. 71–81. (In Russ.)

Received on 10.02.2024

Accepted on 12.03.2024

Информация об авторе:

Агапкина Татьяна Алексеевна
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8098-7471
E-mail: agapi-t@yandex.ru

Information about the author:

Tatiana A. Agapkina
DSc. (Philology),
Chief Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8098-7471
E-mail: agapi-t@yandex.ru